АКСИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО МАССМЕДИЙНОГО ДИСКУРСА: КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС-АНАЛИЗ

Алексей Аркадьевич РОМАНОВ
Лариса Александровна РОМАНОВА
Оксана Николаевна МОРОЗОВА

ПРОВОКАЦИОННАЯ ДИСКУРСИЯ МЕДИЙНЫХ «ИГР» СПИН-ДОКТОРА (на материале политических ТВ-интервью)

В статье раскрывается механизм агрессивного вербального воздействия технологическими средствами «мягкой силы» в политическом ТВ-интервью.
Ключевые слова*: вербальная агрессия, «мягкая сила», политическое телеинтервью, провокация, фреймовая конфигурация.*

Alexey A. ROMANOV
Larisa A. ROMANOVA
Oksana N. MOROZOVA

PROVOCATIVE DISCOURSE OF MEDIUM "GAMES" SPIN-DOCTORING (on the basis of political TV interviews)

The article reveals the mechanism of aggressive verbal impact of "soft power" by technological means in the political TV interview.
Key words: *verbal aggression, "soft power", political TV interview, provocation, frame configuration.*

Границы моего языка означают
Границы моего мира
Л. Витгенштейн

Известно, что жанр политического ТВ-интервью применим как внутри страны, так и за её пределами в качестве инструментария разъяснения позиций лидера государства, правящей партии, правительства или какого-либо отдельного представителя властных структур, культуры, бизнес-сообщества, если для этого существует необходимость ввиду возможного или уже возникшего политического (или геополитического) трения, противостояния, назревающего конфликта или торгового соперничества. Предварительные знания о наличии прескрептивной (предписывающей) готовности и реальной возможности собеседников (модератора и гостя-адресата) реализовать эти знания в дискурсивном пространстве предстоящего политического ТВ-интервью открывают широкие возможности в вербальном поведении модератора, который по формальному праву инициатора и коммуникативно-сценарного лидера может самостоятельно выбирать и предлагать собеседнику фреймовую конфигурацию диалога-интервью. Фреймовая конфигурация, включает в себя различные терминалы, слоты и субслоты, которые, опираясь на свои валентные семантические свойства, позволяют в ходе беседы легко переходить от одного терминала, слота или субслота к другому – ближайшему или отдаленному по семантике – слоту (см.: Романов 1988; 1992; 2002; 2005; Романов, Романова 2017; 2018; 2018*а*; Романов, Романова,

Морозова 2015; 2017).

В политическом ТВ-интервью обозначенная для обсуждения тематика вопросов дискурсивного пространства беседы – тема, в трактовке В.Н. Волошинова (Волошинов 1929: 101) – достаточно *лабильна* и в плане речевого поведения интерактантов может быть *ограничена* лишь общими рамками жанрового формата «*Мой* вопрос – *Ваш* ответ» ввиду отсутствия заранее предъявленных модератором вопросов и предварительно подготовленных письменных ответов со стороны приглашенного адресата-гостя, чтобы не создавать впечатление скучной и заорганизованной беседы. Тем не менее, открытая форма «доверительной» беседы, которую стремятся демонстрировать зрителям участники интервью, не исключает возможного использования дополнительных форм развития (развертывания) беседы, которые допускают определенные отклонения от выбранного формата обсуждения в широких пределах – ***от*** использования конкретных «мягких», «гибких» и располагающих форм фатического («контактного», адверзивного, непротиворечивого или согласованного) общения для создания раскрепощенной атмосферы взаимодействия или порождения у гостя иллюзии простого и непринужденного разговора *до* нарочито намеренной демонстрации мнимой раскованности или открытой демонизации каких-либо фактов, событий или черт и свойств личности интервьюируемого как адресата-гостя, а также его коллег по «цеху» в международном масштабе (см.: Романов, Царьков, Романова, 2018), переходящих к директивно-провокативному – вплоть до открытой провокации – использованию вербально-агрессивных форм «жесткого» влияния, неприкрытого эмоционального давления или балансирования на грани фола, перемежающихся вариантами политического *троллинга*, *флейминга*, *моббинга* и, частично, *буллинга*.

Обозначенные провокативные варианты речевой агрессии в виде раскованных высказываний, небрежно-развязанной манеры общения и использования – с точки зрения семантики и верифицтруемости на «фактуальность / нефактуальность» или «истина / ложь» – «фейковых аргументов» в политическом ТВ-интервью можно рассматривать в качестве *вербальной разновидности* политического *инструментария* директивного давления «*мягкой силы*», облаченной («загороженной – «hedged», в трактовке Б. Фрейзера, или скрытой, спрятанной) в свободные «одежды» демократичного проявления жанра интервью-беседы и скрывающей своё истинное функциональное предназначение: выполнять роль «информационного тарана» в подрыве авторитета своего политического оппонента по общению. В зависимости от своей функционально-семантической специфики каждая из перечисленных выше разновидностей по-своему участвует в реализации вербального агрессивно-провокативного поведения. Кстати сказать, оба собеседника, соглашаясь реализовывать свою аргументационную позицию, могут в равной мере прибегать к использованию той или иной разновидности провокативно-агрессивного вербального поведения. Правда, у инициатора, выступающего в роли модератора интервью, имеется больше возможностей в выборе провокативно-агрессивных средств в силу своего ролевого преимущества в дискурсивной шаговой очерёдности – т.е. в схематическом порядке «взятия

шага» в диалоге-интервью – *открывать* интервью, *направлять* развитие тематического пространства, а также *менять* по своему усмотрению тематику отдельных этапов интервью-диалога, *закрывать* тот или иной этап в обсуждении тематического пространства или же по личному замыслу *перескакивать* с одной темы на другую, *комментировать* и *дополнять* ответы своего студийного гостя и, наконец, *заканчивать* беседу-интервью в любой подходящий для себя или в заранее оговоренный с гостем момент.

В политическом ТВ-интервью *троллинг* (от англ. trolling – ловля рыбы на блесну) применяется модератором как заведомо провокационное сообщение-вопрос или сообщение-утверждение, сообщение-просьба или сообщение-предложение, преднамеренно используемые для вывода своего партнера по общению из психологического равновесия, чтобы, подзадорив его, побудить (каузировать) на эмоциональной волне раскрыть свои установки, намерения, оценки, взгляды, планы и в ещё большем объеме донести до зрителей личную позицию. Причем такое провокационное сообщение готовится модератором заранее и преднамеренно. В политическом интервью такое сообщение-вопрос может касаться широкого круга тем: от личных и даже интимно-личных – до самых актуальных проблем мироустройства. Но чаще всего такие сообщения-вопросы затрагивают наиболее острые и актуальные моменты мировой политики и экономики, а также отношения между государствами в той или иной сфере взаимодействия. Нередко *троллинг* применяется в полемическом задоре с обеих сторон, когда возникает необходимость «мягко» скорректировать позицию собеседника или высказать определенную критику в сторону другого государства («нашего партнера»). В полемическом задоре *троллинг* также используется в диалоге-интервью, если один из собеседников чрезмерно увлекается приведением односторонних аргументов и злоупотребляет информационным поводом для активной самопрезентации или лоббирования интересов в пользу другой (третьей) стороны. Не менее успешен *троллинг* в ситуациях диалогического обмена, если модератор не может в открытом порядке получить от собеседника нужную информацию и надеется, что гость-адресат в эмоциональном порыве сможет проговориться о чем-то личном, ещё неизвестном. Наиболее частотными в этом плане являются высказывания модератора о вкусах, оценках, предпочтениях, ссылки на высказывания других политиков, мнения в СМИ, данные опросов и рейтингов, на которые возможно дать диаметрально противоположный ответ, становящийся поводом для новых уточнений, разъяснений и оценок.

Особенно популярны в политическом ТВ-интервью вопросы биографического порядка, которые в провокативном плане всегда можно прокомментировать с определенным подтекстом и которые всегда могут служить поводом для увода от актуальных или наиболее спорных и острых проблем в интервью. Поэтому модератор, используя элементы *троллинга*, стремится осветить определенную ситуацию в необычном ракурсе и пустить её обсуждение даже с противоположной стороны или с определенными оценками, выдвигая на первый план какой-нибудь биографический факт таким образом, чтобы побудить гостя и зрителя посмотреть на него другими глазами. Обозначенный прием *троллинга* характерен в сочетании с внезапным тематическим поворотом беседы, когда гость-адресат не ожидает

резкой смены темы и может допустить какую-нибудь неточность, ошибку или оговорку. Нередко такое речевое поведение сродни охотничьему гону дичи с выжиданием и использованием ложных манков, подставами, сменой ритма, который (гон) в процессе беседы-интервью одновременно превращается в интерактивную агрессивную форму *целенаправленного преследования* и *давления*. Таким образом, *троллинг* в политической коммуникации вообще и в политическом ТВ-интервью, в частности, сегодня представляет собой одну из наиболее активных коммуникативных практик, используемых СМИ в качестве воздействующего инструментария «мягкой силы» на консциентальную сферу как своей аудитории, так и аудитории противоположной стороны, которую представляет интервьюируемый гость.

Достаточно близкими к *троллингу* в функционально-семантическом плане провокативно-директивного вербального поведения являются коммуникативные практики *флейминга* и *моббинга*. *Флейминг* (от англ. flame – пламя; пылать) в жанровой разновидности политического ТВ-интервью можно рассматривать как дополняющее продолжение (т.е. полемическое разжигание, постепенно переходящее в пылание, полыхание, расширение – в плане интенсификации) троллинговой линии вербально-интерактивного поведения модератора с эмоционально-логической каузацией гостя-адресата к «диалогическому фехтованию» (Романов, Романова 2018; 2018*а*) или обмену эмотивно-заряженными (аффицированными) диалогическими репликами-шагами, что превращает определенную часть тематического пространства интервью в открытую полемику. С этих позиций *флейминг* можно с полным правом считать следствием троллингового «вброса» того или иного острого и провокативного сообщения, влекущего за собой определенный ответ гостя-адресата, в результате чего возникает эмоциональный обмен мнениями, фактами, доводами, аргументами и т.п. То есть с формально-логической точки зрения *троллинговое* сообщение любого порядка есть условие для возникновения (или запуска) *флейминга*, который функционально предназначен развивать линию *троллинговой* атаки и приводить её к особому результату, а именно: не теряя порядка общего обмена речевыми действиями, эмоционально «завести» гостя-адресата с целью получить больше острых (и «жареных») подробностей, мелких деталей, приватных наблюдений и оценок для их использования в собственных комментариях и выводах.

Другими словами, модератор стремится получить или создать подробный «портрет вербальной личности» политика-гостя и представить его во всех красках и ракурсах своим зрителям или слушателям (ср.: Романов, Романова, Царьков 2018). Практикуя *флейминговую* форму эмоционального давления на гостя-адресата, модератору важно определить «окно» дозволенного в своём дискурсе или границу агрессивного воздействия и взаимодействия, чтобы не перейти на обмен «любезностями» относительно друг друга и не скатиться, тем самым, к созданию *взаимного троллинга*. В противном случае политическое ТВ-интервью будет приобретать характер деструктивной перебранки (ср. попытки американских оппозиционных СМИ взять интервью у Д. Трампа) или открытого конфликтного политического противостояния, направленного *либо* на субъективно-

оценочное – положительное / негативное – отношение интервьюера к имиджу гостя-адресата, конкретно к его личности и, соответственно, к стране, *либо* на негативное отношение к предмету тематического пространства, затрагивающего репутационный капитал и имиджевый «персонифицированный» образ страны интервьюируемого.

Учет модератором перспективы такого развития беседы-интервью помогает сдерживать эмоциональный уровень агрессивного речевого взаимодействия и также способен служить определенным ограничительным фактором, смягчающим агрессивное вербальное поведение модератора во избежание открытого международного скандала. По этой причине в процессе политического ТВ-интервью инициатор, выполняя роли «хозяина» в студии и модератора беседы, не вправе – по «законам» гостеприимства – применять обширный арсенал *троллинго-флейминговых* средств для эмоционального давления на приглашенного гостя. Тем не менее интервьюер может выборочно применять какие-то отдельные элементы из указанного арсенала в качестве директивного (побуждающего) инструментария «мягкой силы», чтобы регулировать ритм диалога-интервью и тем самым поддерживать или даже «подогревать» интерес зрителей к тематическом пространству интервью и, конечно, к личности гостя и его стране с учетом своих политических пристрастий, полученных установок и специфики конкретного момента в международных отношениях.

В жанровой разновидности политического ТВ-интервью *моббинг* (от англ. *mob* - толпа; mobbing – притеснять, грубить, нападать) представляет собой разновидность комплексного вербально-агрессивного креализованного коммуниката-сообщения в виде ссылок на источники, авторитеты и даже слухи. Наиболее активно *моббинг* используется модераторм-интервьюером для информирования других с целью демонстративной поддержки чьего-либо агрессивного поведения, которая выражается в сокрытии определенной информации, в демонстрации сплоченности рядов своих сторонников и союзников (например, со стороны отдельно взятой страны или широкого объединения стран, а также со стороны ТВ кампаний, медиагрупп или какой-то отдельной группы людей), отмеченных тем или иным информационным поводом. Политический *моббинг* также широко представлен в арсенале воздействующих на консциентальную сферу адресата вербальных средств «мягкой силы» в плане эксплицитной демонстрации *а)* социальной изоляции политической линии гостя, его страны; *б)* намеренной несправедливости в интерпретации политических решений гостя; *в)* раскрутки и тиражирования необоснованного «обвинительного» уклона в оценках персонализированного образа «лидер / политик / общественный деятель /популярная личность – страна»; *г)* сплочения свои сторонников, готовых поддержать единичные или коллективные *моббинговые* действия против гостя и его сторонников, а также, соответственно, и против страны приглашенного на интервью лидера-политика. Здесь нужно заметить, что в силу своей специфики общения «лицом к лицу» и «глаза в глаза» с гостем студии, за которым стоит авторитет и определенная мощь его страны, агрессивная *моббинговая* форма поведения модератора в политическом ТВ-

интервью значительно отличается большей лабильностью, мягкостью, сбалансированностью и целесообразностью в плане своего выражения по сравнению с *моббингом* как формой коллективного или группового психологического давления, запугивания и травли в обыденных условиях коммуникации. Так, в частности, в политическом ТВ-интервью практически редко можно встретить формы явного и беспардонного запугивания, грубости, дискриминации или притеснения, открытого неуважения и намеренного грубого оскорбления со стороны модератора.

Сходными с *моббингом* в функционально-семантическом плане провокативно-директивного вербального поведения модератора-интервьюера в политическом ТВ-интервью можно считать коммуникативные практики *буллинга* как формы агрессивного поведения, используемые для систематического эмоционального давления в одном из выбранных направлений тематического пространства беседы-интервью, чтобы особыми средствами, особым образом побудить (заставить, принудить, каузировать) гостя-адресата к *а)* изменению своего поведения, своей точки зрения; *б)* признанию каких-либо провокативных медийно-дискурсивных «фактов» (например: «дело Скрипалей», «Панамское досье», «вмешательство» в выборы различных стран, «осуществление химических атак», «планирование внезапного военного вторжения» и т.п.; *в)* согласию с растиражированными в различных СМИ версиями, мнениями, утверждениями, не обусловленными фактуальной реальностью, а основанными на известных как «хайли лайкли» измышлениях; *г)* выработке чувства «вины», моральной ответственности и «покаяния» за происходящие в мира события и разного рода перемены, например, за «преступную оккупацию» Прибалтики в 40-е годы прошлого века, за «проигранное танковое сражение под Прохоровкой на Курской дуге» в 1943 году, за подмену допинг-проб на зимней олимпиаде в Сочи, за притеснение ЛГБТ-сообщества, за отсутствие «подлинной» демократии, народовластия, свободы слова и т.п.

В отмеченной плоскости *буллинг* (англ. *bullying*, образованного от английского слова “bully”, которое в ходе исторического развития трансформировалось в своём значении от «возлюбленный / возлюбленная» до «угнетателя слабых», «хулигана», «драчуна», «задиры», «грубияна», «насильника», ассоциирующегося с современным английским “bull” в значении «бык»; ср. также с русским просторечным глаголом «быковать», возникшим в 90-е годы прошлого века в значении «опираясь на силу, вести себя беспардонно, грубо, без правил») представляет собой вербальную разновидность манеры целенаправленного, агрессивно-навязчивого, беспардонного и постоянного цепляния, придирок, обидных комментариев в адрес своего собеседника, преследования и психологического давления, побуждающего адресата ощущать себя в психологическом плане дискомфортно: униженным, расстроенным, обиженным, уязвленным, затравленным, деморализованным и одиноким. Психологическая направленность *буллинга* как формы непрерывного (перманентного) вербального агрессивного поведения может затрагивать не только непосредственного собеседника и его близкое окружение, друзей, родственников, но и страну приглашенного для интервью гостя. Стоит

признать, что *буллинговую* форму вербального поведения может использовать в равной степени каждый из участников беседы-интервью, рискуя, однако, превратить данную разновидность диалогической интеракции в *обоюдный буллинг* или банальную пикировку-перебранку. При этом следует понимать, что создание психологической напряженности при помощи *буллинговой* формы агрессивного поведения не требует от модератора или гостя создания особых условий или поиска какого-то специального повода. Повод для *буллинга* с обеих сторон может быть самым разным и неожиданным, так как *буллинг* может применяться и без каких-либо конкретных оснований и причин. В частности, например, одному из участников ТВ-интервью может показаться неполным ответ на поставленный вопрос или необычной и странной манера аргументировать свою позицию. Тем не менее в политическом интервью каждый участник, а приглашенный гость-политик в особенности, должен быть готов ожидать от своего оппонента *буллинговых* нападок, ибо тот, кто отличается от других своим положением, авторитетом, манерами и популярностью, скорее всего, может оказаться и оказывается чаще всего объектом такого агрессивного воздействия. Подчеркнем, что в политическом интервью в фокус внимания выносится не просто какой-то факт или событие, а личность приглашенного гостя-политика, портрет которой интервьюер «рисует» в процессе беседы на фоне уже отмеченных прессой и известных телезрителям фактов, событий, мнений и заявлений. Для этих целей в процессе беседы модератор-интервьюер периодически – т.е. время от времени – примеряет на себя роль «булли» (англ. “bully” – задира, грубиян, драчун, хулиган), чтобы побудить (спровоцировать, каузировать) приглашенного в студию политика ответить за неприглядные действия, которые могут просто задевать (или даже оскорблять) достоинство личности гостя или его страны. Попутно заметим, что к разряду неприглядных действий могут также относиться озвученные модератором необоснованные подозрения, а также слухи, тенденциозные цитаты из СМИ, различные ссылки на данные заказных рейтингов и общественных организаций, на положение в стране гостя-политика с демократией, правами человека, экономикой и т.п.

Примеряя на себя роль «*булли*», модератор интервью не стремится в полной мере прибегать к имперсонизации, чтобы выдавать себя за какую-то другую личность или представлять себя отстраненным, безучастным, абсолютно «стерильным» и объективным вопрошающим субъектом с целью нанести ущерб репутации гостя или его стране, как это часто бывает, например, в «пранкерских интервью» или в сетевых коммуникациях, где модератор, как правило, прячется за каким-нибудь ложным именем («ником»). Скорее всего, в остром, полемическо-агональном политическом интервью-диалоге инициатор – как «хозяин» студии – выступает в роли «*булли-модератора*», которая одновременно соединяет в себе комплексные свойства «*тролля*» («подстрекателя», «провокатора», «неуступчивого задиры»), «*флеймера*» («поджигателя», «неутомимого и неуступчивого спорщика», постоянно требующего от интервьюируемого всё новых и новых подробностей, деталей, нюансов) и «*моббера*», солидаризирующегося с заявленными мнениями других сторон в информационных атаках, нападках, обвинениях и резолютных суждениях относительно личности гостя, его

политических пристрастий и линии поведения руководимой им страны.

В этом плане модератор-интервьюер выполняет сложную, комплексно-интегративную и в то же время противоречивую – по линии директивного наступательного поведения – роль «*заинтересованного спорщика*», который в агрессивно-алармистской манере стремится эмоционально «завести» своего собеседника, чтобы вербально-логическими уловками вывести его на откровенный, эмоционально-принудительный разговор и таким образом, *цепляясь* как «булли» за различные поводы, оговорки, неточности и недомолвки адресата, получить (точнее – вытянуть, выколотить, выпотрошить) нужные характеристики для формирования «личностного портрета» приглашенного на интервью гостя. Здесь уместно заметить, что роль «хозяина студии» является константной для модератора-интервьюера и исполняется им независимо от того, где конкретно корреспондент берет интервью: у себя в студии ТВ, в каком-нибудь другом месте, например, в студии ТВ страны политика или на саммите в нейтральной стране.

Примером отмеченного поведения со стороны модератора-инициатора может служить политическое ТВ-интервью Президента РФ австрийскому телеканалу ORF в преддверии визита в Австрию, в котором В.В. Путин ответил на вопросы ведущего (модератора) австрийской телерадиокомпании Армина Вольфа (см.: ORF Wladimir Putin-Interview / Ungekürztes deutsches Transkript, 4. Juni 2018; русскоязычная версия представлена на kremlin.ru 4 июня 2018 года, 22:00, г. Москва**)**. В качестве необходимого примечания следует отметить, что немецкий текст точнее отражает наступательную позицию австрийского интервьюера в плане языкового выражения выбранной им агрессивно-наступательной манеры ведения диалога-интервью, характеризующейся обвинительно-резолютным содержанием своих вопросов, которые призваны недвусмысленно и навязчиво сформировать у собеседников и зрителей тематическое пространство беседы в виде гиперфрейма «Вина России и ответственность её руководителей за всё происходящее в мире». Поэтому генеральная интенция модератора-интервьюера сводилась в диалоге к постоянной актуализации данного гиперфрейма, чтобы таким образом заставить своего собеседника-адресата взаимодействовать с корреспондентом в рамках предлагаемого интервьюером тематического пространства заданного гиперфрейма. Совершенно понятно, что, в свою очередь, основная задача второго коммуниканта в роли адресата и «гостя» заключается в том, чтобы, отвечая на вопросы, выйти в своих ответах за рамки навязываемого ему тематического пространства гиперфрейма и нарушить валентно-семантическую связь терминалов, слотов и узлов его структуры (в том числе и взаимосвязь между тематическими блоками гиперфрейма), оспаривая и ставя под сомнение тот или иной конкретный тематический узел гиперфрейма, тактично и аргументированно доказывая нецелесообразность его использования и актуализации.

Список литературы:

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929.

Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.,

1988.
Романов А.А. Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Текст как структура. Сб. научн. тр. Отв. ред. А.А. Романов, А.М. Шахнарович. М., 1992. С. 55-76.
Романов А.А. Вербальный конфликт в диалогической «игре» // Homo Ludens / Человек играющий: Язык, личность, социум. Межвузовск. сб. научн. статей. Отв. ред. проф. А.А. Романов. М.-Тверь, 1999. С. 12-25.
Романов А.А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. М.-Тверь, 2002.
Романов А.А. Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. М.-Тверь, 2005.
Романов А.А., Романова Л.А. Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья первая: «Окно» дискурса как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017, № 3 (49). С. 1–39. Режим доступа: http:// www. tverlingua.ru
Романов А.А., Романова Л.А. Вербальный компонент “мягкой силы” как инструмента дискурсивного влияния в геополитическом пространстве (Электронный ресурс) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018, № 2. С. 1-40. Режим доступа: http:// www. tverlingua.ru
Романов А.А., Романова Л.А. Фейковая дискурсия vs дефензивная контрдискурсия в «информационной дуэли» // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. тр. Международной научно-практическ. конф. Тверь, 6-7 апреля 2018 г. Тверь, 2018а. С. 176-187.
Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Нарративный метод спин-докторинговой коммуникации со слотами фреймов // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. тр. Международн. научно - практическ. конф. 3-4 апреля 2015 года. Тверь, 2015. С. 251-258.
Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. Статья вторая: О роли и значимости ментальных репрезентаций в консциентальном типе информационного воздействия вбросов материала «Панамагейт (Электронный ресурс) // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2017, № 4 (48). С. 1-35. Режим доступа: http://www.tverlingua.ru
Романов А.А., Царьков П.Б., Романова Л.А. Дискурсивный портрет думского политика-либерала. Тверь, 2018.

Романов Алексей Аркадьевич - доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций Тверской государственной сельскохозяйственной академии, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета (г. Тверь), *romanov_tgsha@mail.ru*

Романова Лариса Александровна - доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии, (г. Тверь)

Морозова Оксана Николаевна - доктор филологических наук, профессор, профессор Тверского государственного университета (г. Тверь)